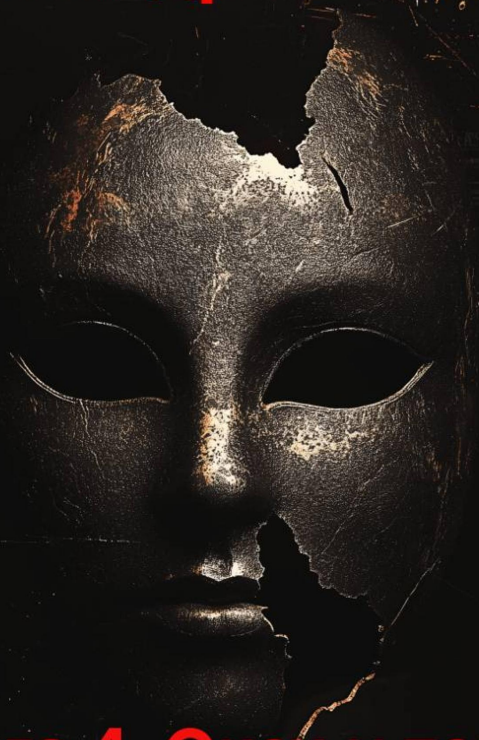

Александр Восьмой

Книга 4. Окси и тень без хозяина

18+

Александр Восьмой

Книга 4. Окси и тень без хозяина

Серия «Сага Тёмная Сказка», книга 4

<https://litres.ru/74435729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Окси родилась без тени — так говорила бабка и крестила её два раза. К двадцати годам Окси научилась жить без неё: не стоять при свете, не смотреть на землю в полдень, не отвечать на вопрос «где твоя тень». Но в лесу за речкой нашли чужую тень — большую, тёплую, живую. Она лежала под ёлкой, как сброшенная шуба. Окси примерила. И тень подошла. Проблема в том, что у тени был хозяин. Он умер. Но не ушёл. И теперь идёт по следу — босиком, в темноте, по-прежнему отбрасывая тень, хотя тени при нём больше нет.

Александр Восьмой

Книга 4. Окси и тень без хозяина

Глава 1. Крещёная дважды

Бабка крестила Окси в реке — раз на рассвете, раз на закат, когда вода чернела, как дёготь. «Без тени родилась, — говорила бабка, — значит, одна нога здесь, другая — там».

К двадцати годам Окси знала все правила жизни без тени: не стой при свете, не смотри на землю в полдень, не отвечай на вопрос «где твоя тень». Она носила длинные юбки тёмных тонов и шла всегда по краю дороги, где трава гуще. Мужик Оптима, её сосед, единственный, кто не задавал вопросов, однажды заметил: «А может, тень — это не то, что ты потеряла. Может, это то, что от тебя ушли». Окси не ответила. Она знала: отвечать нельзя.

В тот вечер Фаргус пришёл к ней с вестью: в лесу за речкой нашли чужую тень. Даффи Толстяк клялся, что видел её своими глазами — большую, тёплую, живую. Она лежала под ёлкой, как сброшенная шуба. Окси слушала, не поднимая глаз. Сиринити шептала: «Не ходи туда, не трогай». Прима сжимала её руку, будто хотела удержать. А Окси уже знала — она пойдёт.

Когда она подошла к ёлке, тень будто сама потянулась к

ней, обняла, легла ровно по контуру, словно была создана для неё. Тёплая. Тяжёлая. Настоящая.

И в тот миг, когда тень встала на место, в деревне погасли все огни. Даже свечи в домах Мужика Оптимы и Даффи вспыхнули и тут же умерли, оставив после себя едкий запах гари. Где-то далеко, за лесом, кто-то сделал первый шаг по холодной земле. Босиком. В темноте.

Он шёл по следу. Тот, чья тень теперь была на Окси. Он умер. Но не ушёл. И по-прежнему отбрасывал тень, хотя тени при нём больше не было.

Глава 2. Чужая шуба

За речкой, в ельнике, где мох поднимается до колена, Фаргус нашёл тень. Она лежала под старой ёлкой — большая, тёплая, живая, как сброшенная шуба хозяина, который ушёл и забыл одеться. Фаргус позвал Даффи Толстяка — тот увидел и побледнел: тени не лежат. Тени не сбрасывают. Тени не греют.

— Не трогай, — прохрипел Даффи, будто слова давались ему с трудом. — Это не вещь. Это след. А след нельзя надевать.

Но Окси уже шла по росе, босиком, сцепив зубы. Сиринити и Прима пытались удержать её за рукава, но она мягко высвободилась — не грубо, просто так, будто её тянуло вперёд что-то сильнее их рук. Мужик Оптима стоял чуть поодаль, хмуро смотрел на ёлку и молчал, будто прислушивал-

ся к тишине, которая стала слишком густой.

Когда Окси подошла, тень будто шевельнулась, как живое полотно. Она примерила её, как примеряют перчатку, — и тень легла ровно, плотно, будто всё ждала именно её. Тёплая. Тяжёлая. Словно впитавшая чужой страх и чужой путь.

И в тот миг, когда тень встала на место, лес вздохнул — не ветром, не листвою, а чем-то глубже. Птицы смолкли разом, будто кто-то дёрнул невидимую нить. Даже воздух стал другим — густым, липким, будто пропитанным чужим дыханием.

Фаргус попятился, споткнулся о корень и едва не упал. Прима вцепилась в Сиринити, и обе замерли, не сводя глаз с Окси. Мужик Оптима шагнул вперёд и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Теперь он знает, где она.

Где-то за спиной, в темноте, хрустнула ветка. Будто кто-то сделал шаг. Босиком. По холодной земле. И хотя вокруг не было ни лунного света, ни фонаря, на тропе мелькнула тень — чёткая, длинная, будто принадлежащая тому, кого здесь быть не могло.

Тот, чья тень теперь была на Окси, шёл по следу. Он умер. Но не ушёл. И по-прежнему отбрасывал тень, хотя тени при нём больше не было.

Глава 3. Хозяин

Тень была тёплая, но имела память. По ночам Окси видела

чужие сны: изба с чёрным потолком, топор у порога, верёвка на матице, белые ноги, качающиеся в воздухе. Хозяин тени повесился — не от горя, а оттого, что тень стала слишком тяжёлой. Он снял её перед смертью, как снимают рюкзак. Но умирать без тени нельзя: тело уходит, а за тень цепляется то, что остаётся. Он умер. Но не ушёл. И теперь он — на Окси, потому что его тень — на ней.

Просыпаясь, Окси лежала, не шевелясь, пока рассвет не прорезался сквозь щели в ставнях. Её пальцы дрожали, будто ещё сжимали ту самую верёвку. Прима сидела рядом, держала её за руку и шептала что-то тихое, бессмысленное, но нужное. Сиринити мерила шагами комнату, время от времени бросая взгляды на дверь, словно ждала, что та распахнётся сама.

— Она тянет, — проговорила Окси, впервые назвав то, что чувствовала, вслух. — Будто кто-то тянет меня назад, в тот дом.

Фаргус, стоявший у окна, резко обернулся:

— Значит, надо снять.

Даффи Толстяк только покачал головой:

— Снимают шубу. А тень... тень прирастает. Ты видела, как она легла? Как будто сама выбрала.

Мужик Оптима молчал дольше обычного. Потом подошёл, сел на край лавки и посмотрел Окси прямо в глаза — без жалости, без страха, просто твёрдо:

— Если он идёт за тенью, значит, он идёт за тобой. Но

ть — это не ты. Это его след. А след можно запутать.

Окси медленно кивнула. В груди было холодно, но в голове прояснилось.

В ту же ночь они вышли из деревни — все шестеро. Шли не по дороге, а по старым тропам, где корни сплетались в узлы, а мох глушил шаги. Мужик Оптима вёл, Фаргус держал факел, Даффи нёс мешок с солью и железом — от нечистого. Прима и Сиринити не отпускали Окси ни на шаг.

А за ними, по тёмной земле, где не ложился лунный свет, кто-то шёл следом. Босиком. Беззвучно. И хотя вокруг была крошечная тьма, на сырой глине отпечатывался след — чёткий, глубокий, будто оставленный живым. И рядом с ним, чуть сбоку, тянулась тень. Длинная. Неподвижная. Чужая.

Он не спешил. Он знал: тень ведёт его прямо к ней.

Глава 4. След босых ног

Первые следы появились на крыльце Оптима — мокрые, босые, мелкие, как у ребёнка, но тяжёлые, как у взрослого мужчины. Оптима смотрел на них и молчал. Потом сказал: «Он ходит. Но он не стучит. Он не дышит. Он просто — ходит».

Следы появлялись ночами: у калитки, у окна, у порога. Будто кто-то ходил кругами, не решаясь войти, но и не в силах уйти. Тень на Окси вздрагивала каждый раз, как собака, учуявшая хозяина, — тонко, почти незаметно, но так, что по спине бежали мурашки.

Фаргус сжимал в пальцах нож и шептал:

— Надо сжечь. Пусть горит. Пусть исчезнет.

Даффи Толстяк качал головой, теребя край рубахи:

— Отдать надо. Вернуть туда, где нашли. Это не наше. Совсем не наше.

Прима смотрела на Окси так, будто боялась, что та растворится прямо на глазах. Сиринити стояла у двери, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась не пустой, а набитой чьим-то присутствием.

А Окси молчала. Тень была тёплая. Впервые в жизни ей было тепло — не как от печки, не как от одеяла, а изнутри, будто кто-то чужой, но давно жданный наконец укрыл её плечом. И это тепло пугало, но расставаться с ним было больнее, чем бояться.

— Он не за мной идёт, — проговорила она тихо, скорее себе, чем остальным. — Он за тенью. А тень... она теперь часть меня.

Мужик Оптима шагнул вперёд и положил ладонь на косяк, будто проверяя, не дрожит ли дом:

— Значит, надо сделать так, чтобы он не смог её забрать. Не силой. Хитрее. Мы не будем прятать Окси. Мы запутаем след.

Он говорил спокойно, но в голосе звенела сталь — та са-

мая, что не ломается даже в темноте.

В ту же ночь они рассыпали по двору соль и железные опилки, чертили на земле ломаные линии, чтобы тень не знала, куда вести своего хозяина. Фаргус обходил углы с горячей лучиной, Даффи шептал старые слова, от которых даже ветер затихал. Прима и Сиринити встали по обе стороны от Окси, будто живой щит.

А потом все замерли и прислушались.

Тишина стала густой, как смола. И в этой тишине где-то за плетнём хрустнула ветка. Не ветер. Не зверь. Кто-то сделал ещё один шаг. Босой. Тяжёлый. Бесконечный.

След тянулся дальше. К дому. К порогу. К той, на ком теперь лежала чужая тень.

Глава 5. Сиринити

Сиринити пришла сама — из-за речки, из деревни, про которую говорили, что там живут только ведьмы и те, кто их перехитрил. Она была бледная, тихая, с глазами цвета мокрого пепла. Ветер будто обходил её стороной, не смея потрепать тёмные пряди.

Она посмотрела на Окси и сказала ровно, без вздохов и лишних слов:

— Ты не надела тень. Тень надела тебя.

Окси вздрогнула, будто эти слова толкнули её в спину. Прима крепче сжала её локоть, а Фаргус шагнул ближе, слов-

но готов был заслонить, если вдруг земля под ногами дрогнет. Даффи Толстяк опустил голову, будто стыдился того, что раньше предлагал просто «отдать» тень, как ненужную вещь.

Мужик Оптима не двигался. Он смотрел на Сиринити так, будто пытался прочесть в её глазах то, чего не скажут слова.

— Я знаю, что такое тени без хозяев, — продолжила Сиринити, и голос её стал тише, но от этого только твёрже. — Я хоронила одну в детстве. Свою собственную. Мы думали, она просто отстала в лесу, как платок. А она... ушла. И когда я поняла, что не вернётся, мы вырыли ямку и положили туда лоскут своей тени — то, что ещё цеплялось за меня.

Прима тихо охнула, прижала ладонь ко рту. Сиринити не обратила внимания. Она говорила так, будто снимала с души тяжёлый слой пыли, и каждое слово падало точно, без эха.

— Тень — это не отражение, — сказала она, глядя теперь только на Окси. — Это часть души, которую тело носит, как кожу. Снять её — как содрать кожу. Всё, что под ней, остаётся открытым.

Окси сглотнула, чувствуя, как по спине ползёт холод, хотя тень на ней по-прежнему была тёплой, почти горячей.

— И что под ней? — спросила она шёпотом, будто боялась услышать ответ, но не могла не спросить.

Сиринити чуть наклонила голову, и в её пепельных глазах мелькнуло что-то древнее, тяжёлое, как камень на дне реки:

— То, что ест.

Фаргус дёрнулся, будто хотел что-то выкрикнуть, остановить этот разговор, но слова застряли у него в горле. Даффи попятился к стене, нащупывая рукой косяк, как будто дом мог его удержать. Прима прижалась к Окси, и та почувствовала её дрожь — живую, тёплую, настоящую.

Мужик Оптима наконец шагнул вперёд и тихо, но так, что слышали все, спросил:

— Что нам делать, чтобы не дать этому... есть?

Сиринити медленно подняла взгляд на него, будто взвешивала каждое слово, прежде чем выпустить его в воздух:

— Нельзя снять тень. Но можно закрыть то, что под ней. Нужно не прятать Окси от хозяина тени — нужно спрятать от него её душу. Поставить между ними стену, которую он не сможет прогрызть.

Она достала из-за пазухи маленький мешочек из грубой ткани, туго затянутый кожаным шнурком, и протянула его Окси:

— В нём — зола от сожжённого зеркала, соль с порога, где никто не ступал, и пепел от старой молитвы. Это не спасёт навсегда. Но даст время.

Окси взяла мешочек дрожащими пальцами. Ткань была холодной, а внутри что-то тихо шелестело, будто шептало на

незнакомом языке.

А за окном, там, где сумерки уже сливались с ночью, на сырой земле снова появился след. Один. Босой. Тяжёлый. И рядом с ним, чуть сбоку, тянулась тень — длинная, неподвижная, чужая.

Он был ближе. И он знал, где она.

Глава 6. Ёлка-матерь

Они вернулись к ёлке — все пятеро: Окси, Фаргус, Даффи, Оптима, Сиринити. Прима осталась в деревне — держать свет, зажигать свечи и шептать всё, что помнила из старых слов, чтобы ночь не подступила слишком близко.

Под ёлкой, где лежала тень, мох был выжжен, как от угля. Он не просто высох — он обуглился по кругу, будто кто-то обвёл место углём, а потом огонь пошёл сам по себе. В выемке, где лежала, корни ёлки почернели и скрутились, образуя подобие лица — рта, глазниц, чего-то скуластого и детского, будто дерево пыталось вспомнить чью-то забытую маску.

Даффи поднял палку и ткнул в мох — палка обуглилась мгновенно, даже без пламени, будто сама земля её съела. Он отшвырнул её, будто она обожгла ему пальцы, хотя тепла не было — только ледяная чернота.

Фаргус нашёл верёвку — старую, мохнатую от плесени, обвитую вокруг корня. Она была не привязана, а будто вросла в дерево, как вена. Он потянул — верёвка не поддалась,

лишь тихо скрипнула, словно кто-то вздохнул под землёй.

Оптима стоял, не шевелясь, и смотрел на корни, на выжженный круг, на то, как ветви ёлки сплетались над ними, будто решётка.

— Это не ёлка, — проговорил он наконец, и голос его звучал непривычно глухо, будто слова падали в яму. — Это могила.

Сиринити покачала головой, но не возразила. Она присела на корточки, провела пальцами по чёрным корням, не касаясь их, будто читала рельеф вслепую.

— Это колыбель, — сказала она тихо, но так, что все услышали, потому что лес в тот миг затих. — Он здесь родился — мёртвый. Не как ребёнок, а как то, что появляется там, где тень отделяется от тела. Здесь она впервые легла отдельно. Здесь он впервые понял, что может её снять.

Окси стояла чуть поодаль, сжимая в пальцах мешочек, который дала ей Сиринити. Тень на ней шевельнулась, не как ткань, а как живое существо — будто потянулась к дереву, к этим скрученным корням, к тому лицу, что проступало в древесине. Окси закрыла глаза, чтобы не видеть, как тень тянется, но всё равно чувствовала: она хочет вернуться.

Фаргус шагнул к Окси, заслоняя её от ёлки, будто дерево могло схватить её ветвями.

— Надо уходить, — прохрипел он. — Мы пришли, посмотрели. Теперь надо уходить.

Даффи кивнул, но не двинулся с места. Он смотрел на обугленную палку, на верёвку, на то, как воздух над выжженным кругом дрожал, будто над костром, хотя огня не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.